

Игорь
Северянин

КОНДИТЕРСКАЯ
ДЛЯ МУЖЧИН

СТИХИ

Москва, 2018

УДК 82.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
С28

Северянин, И.

С28 Кондитерская для мужчин / И. Северянин. – М.: T8RUGRAM, 2018. – 100 с. – (Голоса).

ISBN 978-5-521-07445-7

Игорь Васильевич Северянин (1887–1941) – русский поэт Серебряного века, основатель эгофутуризма, заслуженно провозглашённый своим современниками «Королём поэтов».

«Кондитерская для мужчин» – сборник поэтических произведений, которые автор именовал как «рассказы в ямбах, пьесы в рифмах». Великолепный поэтический слог настоящего мастера слова, музыкальность и открытость повествования, а также невероятные по силе и глубине образы надолго запомнятся читателю и позволят услышать неслышимый Голос Вечности!

УДК 82.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС DCF
BISAC POE000000

ISBN 978-5-521-07445-7

© T8RUGRAM, 2018

**КОНДИТЕРСКАЯ
ДЛЯ МУЖЧИН**

РАССКАЗЫ В ЯМБАХ

ПРЕВЫКРУТАСНАЯ ШТУЧКА

1

Профессор Юрий Никанорыч, —
Мечтатель, девственник, минорыч,
Своей Иронии жених, —
Был вызван братом во Флориду
На пару месяцев — у них
Возобновленную «Аиду»
Остилить в тонкостях. Доцент
Ганс Энте, старый декадент,
Его приятель, им попрошен
Развлечь Иронию, пока
Он ездит в древние века...
Убожеством своим роскошен,
Приходит Ганс под вечерок
На ужин к гастроному Юре,
Тая амуровые дури,
Весь риторический порок...
Иронию жених знакомит
С приват-доцентом; декаданс
В глазах Иронии огромит
Огромный гномный томный Ганс...
Лукавый Юрий Никанорыч,

Постигши Ганса существо,
Затаивает в сердце горечь,
Представив девушке его:
Теперь решается задача
О верности невесты: сдача
Ее фон-Энте разлучит
Его с Иронией, а твердость
Соединит навек... Но щит
Иронии — любовь и гордость —
Так металлически звучит...
Профессор этим обнадежен.
А завтра чемодан уложен
И взят на пароход билет...
Вот вкратце фабулы скелет.

2

Ганс Энте, ражий трехаршинник,
Шар рыжий несший на плечах,
Промозглик, плесенник и тинник,
Ухаживатель-паутинник,
Мордарь, полвечник, — цвел (не чах!..)
Он был быкастый здоровенник,
С автомобильным животом,
Насмешник, скрытник, сокровенник
С жасминно-тенорящим ртом...
И, чванясь выправкой корсетной,
Он палчил стародевной мисс,
В нем клокотала похоть Этной,
Взор прикошачивал: «Кис-кис...»
Рыжеволосый, ражелищый,

Но с проседью волос и щек,
Он волочился за девицей,
Как моложавый старичок.
И говорливым сивоглазьем,
Как настоящий верещак,
Красующимся безобразьем
«Спортивил» вечно натошак,
Боясь отяжеленья членов
И сытой вялости, как пленов,
Способных «плюсы» минусить
И потом тело оросить...
И пусть не всей душой, — всем телом
Он влекся к женщине самцом...
Во влеке, судорог хотелом,
Он грезил слитчатым концом...
Предупредительно молчащий,
Безразговорно-говорящий
Лишь плотским напряженьем глаз,
Сквозь кисею и сквозь атлас
Он видел в женщине источник,
Резервуар усад мужских,
Ганс Энте, этот страстносочник
Поползновений воровских...
Утонченностью половою
Всех фавнов перецеголял,
Когда, в желаньях полуволя,
Осамчив женщин, оголял...
И ожеланенные жены,
Его хотеньем разожжены,
Его упорством сражены,
Дрожа, готовые пролиться,

В бред обезличенные лица
Бросали позывом жены...

3

Ирония была девичка,
Как говорится, полевичка,
Лисичка, птичка, лесовичка:
Поет, дичится и хитрит.
Она умнее горожанок,
Изысканнее парижанок,
Студеней льда и скользче санок,
И сангвистичнее, чем бритт.
Она — то просолонь, то тучка,
Превыкрутаснейшая штучка,
Неуловима, как налим...
И жаждою ее палим,
К ней Ганс зальнул своими «льнами»,
Иначе, говоря меж нами:
Ее оженщинить решил...
Во всеоружьи разных шил,
Отмычек чувственности женской:
Конфekt, ликеров и помад,
Ее вовлек он в аромат
Страны блаженной и блаженской,
Ороив внешне свой Эреб,
Как место непотребных треб
Клокочущей кипящей плоти...
И очутилось в позолоте,
Сусальной, как оса средь сов,
Как колоннада на болоте,

Дитя олисенных лесов...
Он в доме закрывал засов,
Уча ее, подчас, конфете,
Ликеря трезвый мозг ее,
Сначала речил ей о Фете,
Точа исподтишка копье
Для чувственности лесовички,
Змеившей на плечи косички;
Затем ей Веннингера дал —
Для однобочья изученья —
Теорию предназначенья
Паденья женщины... Скандал
Он произвел в дичке-девичке;
Дал Гансу отповедь дичок:
«О, Ваш философ — дурачок!
В мороз, должно быть, рукавички
Стащили девки с белых рук
Философа, и он вокруг
Себя стал поносить всех девок,
Морозя пальцы и ладонь...
Поглубже мысль мою одонь,
Желающий: флажки без древок —
Пожалуй, вовсе не флажки,
Как без начинки пирожки...
Так и отвергнутый философ,
Чей взгляд на женщин стоеросов...»
И иронически свистя,
Мотивы страстного ромansa,
Ирония глядит на Ганса,
Который, пять минут спустя,
Ей говорит: «Вы слишком детски

На это смотрите...» А та:
«Нет-с, кэта выглядит по-кэтски,
Когда взирает на кота...»
Ирония гадает: «Юрий
Считает Ганса другом-бурей.
Не отпущу его: пусть штиль —
Излюбленный наш будет стиль,
А там посмотрим...»

4

.....Трехаршинник
Зовет ее к реке в осинник.
Она идет и, на пенек
Присев, мелодийку мурлычет.
Мордарь кроваво взоры бычит,
И снова страсть — его конек.
Его седлает вновь мордарь,
Юля на нем вокруг девички.
Она же думает: «Бездарь!
Как ржавы все твои отмычки...»
Не зная дум ее, рыжак
То увивается лисою,
А то, от похоти дрожа,
К медвяной Ире льнет осою...
И между тем, как апельсин
Заката Ира лепесточит, —
Ганс, — дрожнее листа осин, —
Поцеловать девичку хочет.
И захотев, — хотя вспотев,
Наструниваясь, точно тобик,